

Я рассмотрел далеко не все вопросы, поднятые в спорной и в силу этого необычайно интересной статье В.А. Тишкова. Она задевает и не может не задеть за живое всех, кто занимается данными сюжетами. Затронутые В.А. Тишковым проблемы можно было бы обсуждать бесконечно. Но любая статья должна иметь конец. И поэтому мне ничего не остается, кроме как поставить точку, не исчерпав, разумеется, всего того, что хотелось бы сказать.

Примечания

¹ Подробно эти понятия рассмотрены в целом ряде моих работ: *Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории*. М., 1996; *Общество, страны, народы // Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1996. № 2 и др.

² См. там же.

³ В свое время это понятие было детально разработано в работе П.И. Кушнера (Кнышева), *Этнические территории и этнические границы // Тр. Ин-та этнографии*. Т. 15. М., 1951.

⁴ Это положение я отстаивал еще в 1960-е годы. См.: *Семенов Ю.И.* К определению понятия «нация» // *Народы Азии и Африки*. 1967. № 4; *его же.* Место советского народа среди исторических общностей людей // Там же. 1973. № 5. Детально этот вопрос рассмотрен в моих работах: *Секреты Клио. Сжатое введение; Социально-исторические организмы, этносы, нации // ЭО*. 1996. № 3.

⁵ Подробнее об этом см.: *Семенов Ю.И.* Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // *Российский этнограф*. Вып. 20. М., 1993; *его же.* Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997.

⁶ *Каутский К.* Борьба национальностей и государственное право в Австрии. СПб., 1906; *его же.* Национальные проблемы. Пг., 1918.

Yu.I. S e m e n o v. Ethnos, Nation, Diaspora

An ethnos, or an ethnic community, is an entity of people sharing a common culture, speaking, as a rule, one and the same language and being aware both of their own community and of their difference from members of the other similar human groups. An ethnos may consist of 1) its ethnic nucleus, i.e. the bulk of its population compactly residing on a certain territory, 2) its ethnic peripheries, i.e. some compact groups of representatives of the ethnos as separated in this or that way from the main body of the ethnos, and 3) ethnic diaspora, i.e. individual members of this ethnos as dispersed over territories occupied by some other ethnic communities. A nation is an entity of people united by the presence of a single fatherland. As a formative principle for a nation may serve such a trait as belonging to one and the same concrete society (sociohistorical organism). It's a socionation which can be multiethnic. But a nation may also be formed on the basis of belonging to an ethnos, in which case it's an ethnation. In the case of a socionation the people who have abandoned their native sociohistorical organism, may constitute a single diaspora irrespective of their ethnic belonging.

© 2000 г., ЭО, № 2

С.А. А р у т ю н о в

ДИАСПОРА – ЭТО ПРОЦЕСС

Поступление в редакцию «Этнографического обозрения» статьи В.А. Тишкова совпало с двумя другими немаловажными событиями: выходом в свет первого номера нового журнала «Дiasпоры», издающегося в Москве при поддержке комитета «Джойнт», и проведением при Калифорнийском университете в Беркли научной конференции «Diasporas: Transnational Identity and the Politics of the Homeland» (12–14 ноября 1999 г.). Эти события совпали, конечно, случайно и представляют собой лишь небольшие звенья в общем огромном потоке публикаций и обсуждений, посвященных большому

комплексу проблем диаспоры вообще и конкретных диаспор в частности. Данное совпадение тем не менее показательно для растущего интереса к этому комплексу проблем в современном мире. Мир этот, можно сказать, на глазах все более диаспоризуется: увеличиваются в размерах и пропорциях старые диаспоры, появляются новые, которых еще несколько лет (или десятков лет) тому назад никто и вообразить себе не мог: диаспора лаосских хмонгов (мео) в Америке, диаспора афганцев в Центральной России, корейская диаспора на Северном Кавказе, тибетская диаспора в Южной Индии. Эти диаспоры, как практически любые, в том числе и самые древние – почти всегда следствие неблагоприятия народа на своей родине, этнических конфликтов, войн, экономического упадка, голода и прочих бедствий.

С увеличением числа диаспор растут и уровень их многообразия, а вместе с ним возникают новые трудности в том, чтобы дать этой совокупности довольно разнообразных явлений общую дефиницию и универсальную парадигму изучения. Трудности эти, правда, отчасти искусственно созданы усиливающейся тенденцией к отказу от устоявшегося в отечественной науке эволюционистско-марксистского смыслового наполнения термина «нация» как этнического и переходом к позитивистскому его употреблению в политико-юридическом смысле как совокупности подданных одного государства. (Я предпочитаю употреблять именно термин «подданные», а не «гражданин», ибо последний считаю не чем иным, как фарисейским эвфемизмом, призванным затушевать репрессивно-эксплуататорскую сущность любого государства.) Отсюда и недоразумение, встречаемое на первой же странице статьи В.А. Тишкова.

Косовские адыги – никоим образом не российская внешняя диаспора. Не говоря уже о том, что родина их в момент ухода в Османскую империю никак Россией называться не могла, она и теперь – часть России лишь политически, этноисторически же это – земля адыгов, и косовские адыги до возвращения на родину были не российской, а адыгской диаспорой. Московские и ростовские армяне – не диаспора «государства Армения» (у государств диаспор нет); они – диаспора армянского народа, диаспорическая часть этникоса армян, существующего в виде этносоциального организма (ЭСО) этнической Армении (включающей сегодня Республику Армения и Нагорный Карабах) и в виде армянских национальных групп во множестве других государств и территорий. Диаспорой армянского народа они были и в период, предшествовавший геноциду армян в 1915 г., когда и в помине не было армянского государства, но существовала основная, ядерная часть армянского народа, проживавшая в Османской империи в Восточной Анатолии, а в Российской империи – в Эриванской и Елисаветпольской губерниях. Естественно, в обеих империях армяне диаспорой не являлись – они жили в своем национальном доме, хотя и не были в нем хозяевами.

Спорный вопрос – принадлежность армян Тифлисской губ. Скорее всего, их можно было считать диаспорой в Кахетии, но они не являлись таковой в Джавахетии. После того как между Грузией и Арменией пролегла государственная граница, армяне Джавахетии в самовосприимчивости и восприимчивости соседей, очевидно, тоже приобрели некоторые диаспорические черты.

Так или иначе, следует придерживаться положения, что диаспора бывает не у государств. Она бывает у ЭСО, наций или народностей, которые могут обладать своими национальными государствами, а могут и не обладать ими, но стремиться к их созданию (или не стремиться). Не стремятся, кажется, к этому индийские санталы на своей исконной территории, в округе Сантал-Паргана штата Бихар, где они составляют более 60% населения и насчитывают свыше 3 млн. чел. По отношению к ним санталы Западного Бенгала и Ассама, конечно, являются диаспорой. Есть некоторое количество санталов и в Бангладеш. Отделять их от санталов Западного Бенгала и называть «внешней диаспорой», а санталов, остающихся в пределах Индии, – «внутренней диаспорой», нет никакого смысла, как и вообще практически нет смысла в подобном разделении и в других случаях. Во всяком случае, думаю, что сегодняшняя «внешняя» диаспора северокавказских народов в Сирии, Иордании, да и в Грузии, Ка-

захстане, Азербайджане чувствует себя куда уютнее, чем «внутренняя» диаспора в городах Центральной России, где она испытывает все прелести «этнических зачисток» в стиле нового апартеида, в которых особенно преуспели московские власти.

Санталы, хотя и относятся официально к категории «зарегистрированных племен» (scheduled tribes), на деле являются, конечно, народностью, а не племенем. У племен, строго говоря, диаспор не бывает. Член племени остается членом своего ЭСО, т.е. племени, где бы он ни находился, а если он теряет с ним связь, то становится не диаспорой, а просто маргиналом в этноисторическом транзите.

Иное дело, что и члены настоящих диаспор – часто точно такие же транзитные маргиналы, хотя к этому их сущность не сводится, поскольку в виде потенции у них всегда есть обратная связь с ядерной частью этноса, с исторической родиной.

Другой спорный тезис, содержащийся в статье В.А. Тишкова, – это образование диаспоры вследствие перемещения государственной границы. Опять-таки здесь имеет место переоценка государственности как этнообразующего фактора. Хотя, как указывалось несколькими строками выше, появление границы может вызвать к жизни появление черт диаспорного самоощущения, как в случае с армянами Джавахетии, все же это не мгновенный переход «недиаспоры» в диаспору, а, как правило, лишь усиление изначально диаспорных ощущений, подспудно, подсознательно существовавших и ранее, с момента первого поселения на этноисторически не своей, чужой, чуждой земле, которую очень хочется представить как свою (например, «исконно русская земля – Курильские острова»). Случаи превращения «недиаспоры» в диаспору, о которых говорит В. Тишков, – это почти всегда случаи реверсии ранее протекавшего процесса направленных попыток превращения диаспоры в «недиаспору». Неслучайно так часто эти попытки превращения чужой земли в «свою» сопровождаются актами разрушения исторических памятников, и в особенности кладбищ, склепов, могильных плит. В качестве примеров можно привести уничтожение или попытки уничтожения руин, могильных плит и стел с эпиграфикой: азербайджанцами – армянских в Карабахе и Нахичевани, армянами – грузинских в Джавахетии, грузинами (сванами) – карачевских в Карачае (в период, когда его территория была передана Грузии), русскими – татарских в завоеванном Казанском ханстве, а если каменные памятники воздвигнуть не успели, то тотального изменения всех топонимов и гидронимов – китайских в Уссурийском и Приморском краях, японских – на Сахалине и Курилах и т.д.

Вообще свойственная трудам В.А. Тишкова, как и работам многих других современных исследователей, некоторая переоценка значимости государств и государственных границ приводит к схематизированным представлениям о возможности четкого разграничения ядерной и диаспорной частей этникоза: слева от забора – фатерланд, справа – диаспора. На самом деле возможны плавные переходы от «недиаспоры» к диаспоре при весьма нестабильных границах и даже их отсутствии. Такие плавные переходы в XIX – начале XX в. имелись для армян в Грузии и Азербайджане, от несомненной «недиаспоры» в Карабахе и Лори до столь же несомненной диаспоры в Цхинвали и Баку, с группами полудиаспорного типа в промежутках, например, в Гяндже и Тифлисе. Немцы вплоть до начала второй мировой войны, будучи основным населением Германии, находились на положении несомненных диаспор в Румынии, Эстонии, России. А в Судетах? В Силезии? В южной части Дании? В Эппене и Мальмеди? Никто не ответит на эти вопросы однозначно. В нацистской Германии существовало юридическое понятие «немец диаспоры», «фольксдойче» в отличие от «рейхсдойче», но и оно базировалось на чисто формальном признаке подданства.

Диаспора часто превращается в «недиаспору», это распространенный процесс. Так образовались «колониально-доминионные» нации, включая канадцев (и англо-, и франко-) и американцев. Вопрос о том, можно ли считать диаспорой колонизаторов в колониях, вызвал бурную дискуссию на уже упомянутой конференции в Беркли. Индийцы считали, что скорее «да», европейцы – скорее «нет». Я был скорее на стороне индийцев. В самом деле, от добра добра не ищут и кому дома хорошо, за море не едет. За море ехали с разными ожиданиями – кто чернорабочими и солдатами, кто

губернаторами и адвокатами. Но все ехали в ожидании лучшей доли, в стремлении достичь такого уровня жизни, который, останься они дома, был бы явно недостижим. Кто-то надеялся, разбогатев, вернуться, однако не смог; кто-то изначально не собирался возвращаться. Все стянулись в разного рода диаспорные сообщества. Одни из них, как англичане в Восточной (да и в Южной) Африке, остались в диаспоре и по сей день, другие, как африканеры или канадцы, развились в новые нации, третьих, как «черноногих» (pieds noirs) французских колонистов в странах Магриба, ожидала внезапная катастрофа и вынужденный исход. Но все они прошли через диаспорическую стадию, стадию той или иной степени диаспоризации культуры и сознания («Здоровье туземца – мой тост!» – писал Редьярд Киплинг).

Землепроходцы и промышленники первоначально были русской диаспорой в Сибири. Затем они стали русскими сибиряками, но менее коренными, чем пензяки в Пензе. Но я не решился бы утверждать это о русских, живущих на Чукотке или даже в Якутии (где при общей численности населения около 1 млн. чел. и доле русских несколько более 50% населения их за десятилетие 1979–1989 гг. побывало на временном жительстве свыше 4 млн. чел.). И вне зависимости от численности и доли русских в разных районах Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Киргизии они изначально были диаспорой. Русские оставались и сегодня остаются диаспорой на земле латышей, эстонцев, грузин, казахов. И это случилось не после распада СССР. Неслучайно недавние горе-путчисты в Восточном Казахстане хотели назвать свою «республику» Русской Землей: именно потому, что Восточный Казахстан издавна был и всегда оставался казахской землей независимо от доли коренного этноса в его населении. А вот русских на Украине (кроме западных областей и Крыма) называть однозначно диаспорой как-то язык не поворачивается (как и немцев в Судетах до их изгнания).

Но если диаспора со временем может стать и становится не диаспорой, а новой этнической общностью, то недияспора – существующая уже особая этническая или субэтническая общность – в диаспору преобразуется по меньшей мере редко и с трудом, и одного появления, переноса или исчезновения границы для этого недостаточно. Конечно, в Кремле (как в Московском, так и в Казанском) найдутся люди, склонные считать, по разным соображениям, касимовских или сибирских татар диаспорой татарской нации Татарстана, и то, что об этом пишет В.А. Тишков, совершенно правильно, как и то, что сами касимовцы и сибирцы так не считают, ибо помнят, что живут, пусть ныне и в сугубом меньшинстве, на исконной земле, бывшей некогда территорией их самых настоящих «национальных государств» (царств).

Не являются диаспорой баски Юго-Западной Франции, хотя вообще баскская диаспора существует и в небаскской части Испании, и в США, и в Канаде. Границами четырех государств разделен этнически единый Курдистан, а вне его существует обширная курдская диаспора. И таких примеров можно найти в мире множество. Во всех таких случаях, как выражается В.А. Тишков, необходимо измерить ощущение и поведение самих носителей этничности. Правда, прибор, который мог бы достаточно точно «замерить» данные перемены, этакий «диаспорометр», пока, к сожалению, не изобретен. Известен лишь один надежный критерий для любых этнических общностей – самоосознание через самосознание, проявляющееся в самоназвании. «Мы китайцы» – достаточно ясно. Но как это применить к диаспоре? «Мы малазийские, индонезийские, сингапурские китайцы, или мы – сингапурцы, китайцы, живущие в Малайзии, или вообще, мы – все китайцы Южных Морей (Наньян)» – возможны и реально встречаются любые варианты самоопределения, отнюдь не взаимоисключающие. И является ли диаспорой та диаспора, которая еще не осознала, что стала диаспорой, а не просто временно территориально оторвалась от Родины? Таким вопросом несть числа.

Ясно одно: диаспора – это не только и не столько состояние, диаспора – это процесс развития от «еще недияспоры» через «собственно диаспору» к «уже недияспоре», причем различных типов – или к полностью ассимилированному компоненту, или к касте

некогда инородного происхождения, или к ассоциированной национальной группе, или к полностью сформировавшейся новой этнической общности типа африканеров.

Диаспора не образуется простым прочерчиванием новых границ, не возникает вдруг из оставшегося за новой границей меньшинства, для ее образования нужны более сложные и долгие процессы. Диаспора бывает не у государства, не у страны, а у этносоциальных организмов, живущих на своей земле, в своем этническом доме, т.е. на той территории, где не только совершился этногенез данного народа, но и идет процесс его дальнейшего этнического развития, формирования новых этнотерриториальных групп. Буряты в Иркутской обл. – не диаспора, но и русские иркутяне, и русские Забайкалья – тоже не диаспора. А вот русские Маньчжурии, русские Таджикистана, русские Чукотки и даже русские Магаданской обл. имеют – именно в таком убывающем порядке – большую или меньшую долю диаспорных черт.

Высказав эти соображения, я хочу подчеркнуть, что это лишь некоторые предварительные соображения, никоим образом не претендующие на статус истины в последней инстанции. Несомненно, у многих моих коллег есть по этому поводу свои, существенно отличные от моего мнения и предположения, и очень существенно, чтобы они публиковались и дискуссия по проблемам диаспоры, начатая очень своевременной статьей В.А. Тишкова, продолжалась бы. При этом помимо «Этнографического обозрения» поле для подобной дискуссии мог бы предоставить уже упоминавшийся новый журнал «Диаспоры», членом редколлегии которого я имею честь состоять.

Вы полагаете, все это будет читаться? Я полагаю, что все это следует знать.

S.A. Arutyunov. Diaspora: It's a Process

The author enters into polemics with V.A. Tishkov concerning the question of the phenomenon of diaspora. As indicated in this article diaspora is related not to the States but to the ethnosocial organisms living on their own lands, i.e. on the territories which not only had been the place of ethnic genesis of this or that people but which saw later the process of its further ethnic development and formation of new ethnoterritorial groups.